

Массовое стихийное поведение

Изучение массового стихийного поведения началось со второй половины XIX века и привело к формированию двух основополагающих социально-психологических школ: немецкой психологии народов (М. Лазарус, Г. Штейнталь, В. Вундт) и франко-итальянской психологии масс (Г. Лебон, Г. Тард, В. Парето, Ш. Сигеле). В России массовидные явления изучались М.Г. Михайловским (субъективная социология), В.М. Бехтеревым (коллективная рефлексология), А.Л. Чижевским (гелиопсихология). Однако в 30-е годы данная проблематика была сочтена неактуальной для социалистического общества и идеологически вредной, как и большинство других тем, изучаемых социальной и политической психологией. Их систематическое изучение, по существу, прекратилось, между тем как в Западной Европе и Америке 20—60-е годы отмечены всплеском интереса ученых, политиков и военных к проблематике стихийного поведения.

В СССР исследования возобновились лишь в конце 60-х годов в рамках закрытых учреждений международного отдела ЦК КПСС, МВД и, предположительно, Министерства обороны. В известной мере это были переложения и компиляции зарубежных работ (частично засекреченных), причем до начала 90-х годов открытые публикации в нашей стране были единичны. Переход к системному познанию проблемы массового стихийного поведения начинается в отечественной науке с середины 90-х годов XX века.

Обобщение достижений современного научного анализа проблемы массового политического поведения позволяет в рамках политической психологии выделить наиболее существенные признаки данного феномена. Массовое стихийное поведение (англ. collective behavior) — термин политической психологии, которым обозначают различные формы поведения толпы, циркуляцию слухов, паники и прочих массовидных явлений. Прежде всего следует отметить, что его характер и направленность зависят и определяются массовым сознанием.

В массовом поведении, безусловно, сказывается детерминирующая роль массового сознания, которое понимается как отражение материальных условий жизни, труда и отношений. При этом массовое сознание рассматривается стержнем всех отмеченных компонентов и имеет ряд особенностей: является производным, прежде всего, от экономического базиса общества и по содержанию охватывает все его социально-политические и экономические проблемы; носит многоплановый системный характер, обеспечивающий интеграцию различных форм сознания — правового, этнического, политического, профессионального, стихийного и др.; проявляется на трех уровнях — индивидуальном (отдельного человека), групповом (малых групп) и целостном (общественном); играет активную преобразующую роль в поведении и отношениях. Массовое сознание, как интегративная детерминанта массового поведения, имеет ряд особенностей — высокую динамичность, противоречивость и спонтанность, так как формируется и изменяется под действием более широкого и мобильного спектра факторов; существенно зависит от устойчивости интеграции различных реально

действующих факторов и условий; неоднозначно и противоречиво проявляется на индивидуальном, групповом и массовом уровнях.

Массовое сознание обуславливает характер таких явлений, как массовое мнение, настроение и поведение. С его организующим началом связаны направленность и характер организованного и стихийного поведения. Поэтому интересующий феномен — стихийное массовое поведение, являющееся разновидностью массового поведения, важно исследовать с учетом влияния на него массового сознания и массового мнения. В отличие от организованных политических групп, стихийные выступления предъявляют к своим участникам иные психологические требования. К числу стихийных форм поведения относятся как незапланированные поступки, совершаемые отдельными людьми, так и неорганизованные массовые выступления, бунты, восстания, митинги протеста и т. п. Политическую психологию значительно больше интересуют именно массовые формы, в силу их политической значимости и потому, что в них действуют иные психологические законы, чем в индивидуальном поведении.

До последнего времени мы мало интересовались такой экзотической проблематикой, как поведение толпы, паника, слухи. Со времен Лебона и Тарда психология мало что добавила к представлению о механизмах массовой агрессии или энтузиазма. Но события, происходящие в отечественной политике, подтолкнули поиск психологов в этом направлении. Нарастание стихийных элементов политического поведения показало неготовность властей, воспитанных в иных условиях, обеспечить безопасность граждан, участвующих в митинге, который выходит из-под контроля и превращается в погром. Стихийное поведение чаще всего является массовой реакцией людей на политический кризис и нестабильность. Для этой реакции характерно преобладание иррациональных, инстинктивных чувств над осознанными и прагматическими.

Собственно психологические факторы, такие, как нарастание чувства неуверенности, страха, недоверия к официальным средствам информации, ведут к появлению слухов, панике, агрессии. Эмоции людей, на-ходящихся в массе, распространяются по своим собственным законам: это многократное усиление эмоций под влиянием заражения и внушения, получившее наименование циркуляторной реакции.

Следует учесть, что, хотя описываемые действия имеют действительно стихийный характер, всегда на-ходятся политические силы, готовые использовать этот эффект стихийности и получить от них определенный политический капитал. Наиболее характерны в этом смысле разного рода экстремистские, националистические движения, которым свойственно стремление воздействовать на бессознательную, иррациональную мотивацию участников политического процесса. Политические психологи установили, что именно для политиков этого спектра характерен «большой репрессивный потенциал, т. е. склонность к агрессивному поведению и применению насилия, авторитарная структура личности». Но не в меньшей степени важно и то, что такие политики опираются на определенные социальные слои, которые являются их социальной базой. Это, прежде всего, такие социальные группы, которые в силу условий жизни становятся благодатной почвой для соответствующего воздействия. В древности их называли охроем (чернью) в отличие от демоса (народа).

Наиболее податливы к распространению стихийных форм политического поведения маргинальные группы в силу утраты традиционных ценностей, привычных социальных ориентиров, отчуждения. Быстро меняющиеся условия жизни вызывают протест про-тив стирания вероисповедальных, национальных, расовых и иных барьеров,

служивших опорой их мировоззрению.

Можно выделить целый набор ценностей и целей, установок и стилевых особенностей, которые характерны для экстремистского поведения. Первое, что бросается в глаза, — это духовная ущербность и антиинтеллектуализм таких движений. Они апеллируют к предрассудкам, которые наиболее пышно расцветают именно в маргинальных группах. Однако идейные соображения не являются ни главным механизмом, ни главной ценностью экстремистских движений. В первую очередь они опираются на бессознательные структуры, эмоции, инстинкты, веру, предрассудки и суеверия. Стихийность, как правило, умело насаждается и умело используется политическими лидерами, что способствует сплочению людей вокруг них.

В данном контексте прежде всего следует выделить феномен толпы и закономерности ее проявления. Толпа рассматривается политической психологией как множество людей, не связанных между собой общностью цели и единой позиционно-ролевой организацией, но объединенных общим центром внимания, сходством эмоционального состояния и в некоторой степени проявляющих массовое сознание.

Толпа — разновидность социального организма. По характеру чувствования и поведенческого реагирования она существенно отличается от организованной группы и требует кардинально иных механизмов, приемов и навыков управления. Вместе с тем различия между толпой и группой не дискретны: между крайними полюсами наблюдается множество промежуточных состояний. В частности, сконцентрированная масса людей обычно приобретает некоторые свойства толпы, сохраняя при этом и качества организованной группы.

Причины и непосредственные поводы к возбуждению недовольства или энтузиазма толпы могут быть самыми разнообразными и необязательно политическими: от повышенной активности Солнца до падения курса национальной валюты.

Исследователи подчеркивают, что в толпе человек чувствует себя анонимным, что подталкивает его к действиям более рискованным и безответственным. Эти действия могут быть героическими, но в той же мере вероятны насилие, вандализм и хулиганство. Иррациональность поступков объясняется стадным чувством, которое позволяет отдельным участникам отключить свою волю, сознание и действовать по законам толпы. Толпа как тип социальной группы характеризуется аморфностью, однородностью структуры. В ней либо вообще нет лидера, либо, если он появляется (а нередко это происходит благодаря самоназначению), то все члены группы делятся на две роли: лидер и его последователи. При этом власть лидера бывает неограниченной, так как его последователи не размышляют, а слепо следуют его приказам.

Поведение людей в толпе определяется закономерностями разных уровней. В ней действуют и чисто физические движения, которым подчиняется география толпы. Эти законы имеют такую же физическую природу, как и законы колебания морских волн. На человека в толпе действуют духота, резкие звуки (выстрелы). Нередко стихийные действия подогреваются такими факторами, как алкоголь и наркотики, что приводит к дополнительным эффектам.

Механизмы образования толпы: слухи и циркулярная реакция. Слух — процесс передачи эмоционально актуальной информации по средствам коммуникации. Циркулярная реакция (синоним: эмоциональное кружение) — процесс обоюдного заражения, по мере интенсификации которого взаимодействие между индивидами опускается с семантического (коммуникация) на психофизиологический уровень.

Эмоциональное кружение сопровождает любое массовое мероприятие или акцию: совместное восприятие музыки, спектакля, манифестации, митинга, боевой атаки и т. д. До некоторого оптимального уровня оно способно служить сплачивающим фактором (в таком случае даже используют особый термин — фасцинация). Однако, выплеснувшись за рамки оптимума и выйдя из-под контроля, циркулярная реакция оборачивается своей противоположностью — становится фактором деградации и разрушения совместной деятельности.

Вероятность такого хода событий (соответственно, опасность возникновения крайних форм поведения толпы) возрастает в период социальной напряженности, вызванной природными, экономическими или политическими катаклизмами. Поэтому в подобные периоды необходима особая внимательность к уличным событиям соответствующим образом подготовленных спецслужб.

Природа феномена заражения не вполне ясна. Не исключено, что определенную роль в этом процессе играет колебание в структуре электромагнитного или каких-либо иных физических полей, образуемых живым телом, особенно нервной системой и мозгом, чувствительность к которым повышается именно в силу упоминавшейся эволюционной регрессии, снижения интеллектуального самоконтроля. Здесь заслуживают внимания исследования А.Л. Чижевского и его последователей, демонстрирующие влияние астрофизических и геофизических процессов на интенсивность биотической и социальной активности.

В отличие от коммуникации, в процессе которой индивидуальность каждого партнера сохраняется и в тенденции возрастает (именно включенность в различные каналы социального общения в решающей мере обуславливает личностную уникальность), эмоциональное кружение ситуативно стирает индивидуальные различия. Снижается влияние на поведение личностного опыта, личностной и ролевой идентификации, здравого смысла. Индивид чувствует и поведенчески реагирует «как все». Происходит эволюционная регрессия: актуализируются низшие, более примитивные пласты психики, и группа деградирует в толпу.

У человека, охваченного процессом кружения, возрастает восприимчивость к импульсам, исходящим изнутри толпы, и одновременно снижается восприимчивость к импульсам извне.

Соответственно усиливаются барьеры против всякого рационального довода. Поэтому в такой момент попытки воздействовать на людей рациональными методами часто оказываются не только несвоевременными, но и просто опасными.

Виды толпы

Большое количество наблюдений и психологических исследований массового стихийного поведения позволили вывести следующую условную классификацию.

Окказиональная толпа (от англ. occasion — случай) — множество людей (зеваки), собравшихся по поводу неожиданного уличного происшествия. Доминирующая эмоция — любопытство.

Секвенциальная толпа (от англ. convention — условность) собирается по поводу заранее объявленного события: митинг, концерт рок-группы, футбольный матч и т. д. Здесь преобладает более организованный интерес, и люди до поры до времени (пока сохраняют качества конвенциональной толпы) готовы следовать определенным условностям (конвенциям). Здесь доминирует более направленный интерес.

Толпу не следует путать с публикой, собирающейся в драмтеатре, опере,

консерватории! Решающее различие — в исходных психологических установках.

Соответственно, различны сценарии вероятного развития событий и необходимые меры предосторожности со стороны организаторов мероприятия.

Экспрессивная толпа (от англ. expression — выражение), ритмично выражающая ту или иную эмоцию: радость, энтузиазм, протест и т. д. Доминирующие эмоции здесь могут быть различны, главная характеристика — ритмичность выражения.

Экстатическая толпа (от англ. ecstasy) — экстремальная форма экспрессивной толпы.

Достигшие экстаза люди самозабвенно истязают себя цепями, рвут на себе одежду, танцуют до изнеможения, подчас смертельного, не в силах остановиться, и т. д.

Действующая (active) толпа — наиболее опасная разновидность, в рамках которой в свою очередь можно выделить следующие подвиды:

— агрессивная толпа. Доминирующая эмоция — ярость, злоба по отношению к объекту;

— паническая толпа. Доминанта — страх, ужас, стремление у каждого индивидуально избежать реальной или воображаемой опасности;

— стяжательная толпа — люди, вступившие в неорганизованный конфликт за обладание не-которой ценностью. Доминанта — жадность, жажда приобретения. В конкретных ситуациях может сопровождаться страхом, злобой или обожанием;

— повстанческая толпа по ряду признаков сходна с агрессивной, однако отличается от нее социально справедливым характером возмущения. Практически это выражается тем, что при наличии активного организующего звена в повстанческую толпу может быть внесено организационное начало. Известны случаи, когда повстанческую толпу в конечном счете удавалось организовать в эффективную группу.

Следует обратить особое внимание на то, что приведенная классификация достаточно условна. В практическом плане главное качество толпы — превращаемость. А именно: коль скоро толпа образовалась, она способна сравнительно легко превращаться из одного вида (или подвида) в другой.

Такие превращения могут происходить спонтанно, т. е. без чье-либо сознательного намерения, но могут быть спровоцированы умышленно. На использовании свойства превращаемости по большей части основаны приемы правления и манипуляции толпой с теми или иными целями.

Конкретный человек, будучи в толпе, в своем поведении проявляет такие формы активности, как инстинкты, навыки и осознанные действия. Инстинкты представляют собой врожденные модели поведения, детерминированные биологически и задающие на-правление энергии поведения. Проявление инстинктов человека в толпе включает такие формы активности, как все автоматизмы в поведении (дыхание, передвижение), а также более сложные врожденные действия, связанные с самосохранением, эмпатией, любознательностью, контактностью, агрессивностью, и множество других. Здесь сочетаются как осознаваемые, так и бессознательные инстинкты. Под влиянием различных, прежде всего фрустрирующих, факторов более активно, чем вне толпы, проявляются жестокость, насилие, агрессия как инстинктивные формы поведения. Однако помимо агрессии фрустрация вызывает и другие, также инстинктивные реакции: апатию, регрессию, подчинение и избегание. В политике все эти поведенческие проявления трактуются как реакция на события или обстоятельства, в которых действуют субъекты поведения под влиянием массового влияния.

Солидарность — это также одна из инстинктивных форм поведения участников массовых событий, которые способны не только соперничать друг с другом, но и

сотрудничать. В основе проявления солидарности в политике лежит идентификация людей с определенной частью толпы, группы, позволяющая объединить усилия части участников по достижению своих целей и интересов. Не описывая многочисленные формы проявления инстинктов в политике, заметим, что в целом инстинкты охватывают все бессознательные, иррациональные, чувственные формы поведения как отдельного человека в толпе, так и организованных групп, стихийные выступления масс.

Второй формой массового поведения являются кавыки. Говоря о политических навыках, мы имеем в виду готовность и способность выполнять свои роли и функции любым участником массового события. Здесь сказываются выработанные привычки, влияние уровня политической культуры, стереотипы, являющиеся следствием повторения определенных политических действий, которые усваиваются как результаты массового поведения. Приобретенные навыки участия в массовых мероприятиях позволяют их участникам адаптироваться и более осознанно вести себя в новых массовых акциях. В последние годы многие россияне приобрели такие новые политические навыки участия в забастовках, голодовках, несанкционированных захватах зданий, пикетах и многих других формах стихийного поведения, о которых ранее знали лишь понаслышке.

Осознанные действия как наиболее сформированные поведенческие акты в неорганизованной массе. Главной характеристикой, отличающей их от двух предыдущих, является выраженное целеполагание. Благодаря им привносится осознанный характер стихийному поведению. Понятно, что массовое стихийное поведение отличается спонтанным характером, но в силу осознанных действий лидеров и многих участников приобретает определенную направленность.

Причинная зависимость характера стихийного массового поведения определяется и ориентируется на внешнюю среду, посылающую стимулы субъекту поведения; потребности индивида или группы, участвующей в массовых мероприятиях, в которых обязательно проявляются элементы стихийного поведения; мотивы, которыми руководствуется субъект, установки, ценности, ориентации, убеждения и цели субъекта; личностные особенности роли, стиля межличностных отношений, собственно действия и поступки, обратную связь между поведением и условиями, его сформировавшими.

Приемы управления (манипуляции) поведением толпы

Для овладения приемами контроля полезно учитывать специфический феномен, называемый географией толпы: в толпе обычно образуется более плотное ядро и разреженная периферия (это очень хорошо видно при аэрофотосъемках). В ядре аккумулируется эффект эмоционального кружения, поэтому здесь человек сильнее ощущает его влияние.

Соответственно, если принято решение воздействовать на толпу изнутри, то следует проникать в ядро (имея в виду гипертрофированную внушаемость и т. д.); напротив, извне рекомендуется действовать через периферию.

Проникшие в ядро агенты, имитируя эмоции страха или жадности (в агрессивной толпе), или бросая соответствующий клич и т. д., дают импульс паническому либо стяжательному поведению. Другой вариант: внимание агрессивной толпы переориентируется с одного (более опасного) на другой объект. Тем самым удается избежать наиболее драматического развития событий.

Переориентируя внимание периферии на какие-либо яркие события, агрессивную либо экспрессивную толпу (митинг и т. д.) превращают в одну или несколько окказиональных

толп.

Воздействием громкой ритмической музыки или (в отсутствие таковой) ритмическим скандированием удастся превратить агрессивную, паническую или стяжательную толпу в экспрессивную, в частности в экстатическую, когда люди непроизвольно начинают танцевать и, не в силах остановиться, расходуют накопившуюся энергию в ритмических конвульсиях.

При этом важно подобрать адекватный ритм. Так, для борьбы с агрессивной толпой используется быстрый ритм рок-музыки. Массовую панику способен сбить более медленный ритм марша или гимна.

Механизмы и особенности массовой паники

Удалось выявить четыре комплекса предпосылок (факторов) превращения более или менее организованной группы в паническую толпу.

Социальные предпосылки — общая напряженность в обществе, вызванная природными, экономическими или политическими бедствиями: землетрясения, наводнение, резкое падение курса валюты, начало или неудачное ведение боевых действия и т. д.

Физиологические предпосылки — усталость, голод, долгая бессонница, действие алкоголя, наркотиков.

При этом снижается уровень индивидуального самоконтроля, что при массовом скоплении людей чревато особенно опасными последствиями.

Общепсихологические предпосылки — удивление, испуг, вызванные недостаточной информированностью о вероятной опасности и возможных способах противодействия.

Социально-психологические и идеологические предпосылки — отсутствие ясной и высокозначимой общей цели, эффективного лидерства, недостаточное доверие к лидерам и низкий уровень групповой сплоченности.

Наблюдение и специальные исследования, в том числе экспериментальные, показывают, что последний, четвертый по счету комплекс факторов, является решающим. В слабо интегрированной группе панику способна вызвать минимальная или вообще мифическая опасность. При этом весьма характерны ситуации, когда единственным реальным источником опасности становится собственное паническое поведение толпы. Вместе с тем, высоко сплоченный целеустремленный коллектив способен избежать признаков паники даже при безусловной смертельной опасности. Обобщенно типичный механизм развития паники выглядит следующим образом.

Шокирующий стимул, очень интенсивный или повторяющийся, вызывает множество индивидуальных реакций страха. Это выражается криками, плачем, гримасами, возбужденными хаотическими движениями. Циркулярная реакция обуславливает обоюдное индуцирование эмоции. Процесс завершается массовыми действиями, которые кажутся спасительными.

Стоит добавить, что в обстановке, когда множество людей ожидают какого-то страшного события, средства защиты от которого неизвестны, стимулом панических настроений и действий может стать словесное обозначение ожидаемого события (при его реальном отсутствии).

И еще одно практически важное замечание. В первые несколько мгновений после шокирующего стимула обычно наступает так называемый психологический момент.

Масса людей оказывается как бы во взвешенном состоянии («оторопь») и готова следовать первой реакции, иногда совершенно иррациональной. Это также наиболее подходящий момент для перелома ситуации человеком или группой людей, готовых

взять на себя практическое руководство.

Из всего отмеченного вытекают рекомендации по предотвращению и по ликвидации массовой паники.

Меры по предупреждению массовой паники должны опираться на учет ее предпосылок (факторов).

Прежде всего, идеологическая и организационная подготовка группы к возможным опасностям, обеспечение эффективного руководства, воспитание лидеров, пользующихся высоким доверием группы. Как указывалось выше, при отсутствии идеологических и социально-психологических предпосылок массовой паники коллектив способен с честью выйти из самых суровых испытаний.

Но не всегда такая подготовка в принципе возможна, например, при организации массовых уличных мероприятий, в которых участвует множество более или менее случайных людей. При этом особое значение приобретает учет физиологических и общепсихологических факторов.

Так, типичной ошибкой является длительное проведение митингов и манифестаций в условиях социальной напряженности, в жаркую (или холодную) погоду, с участием большого количества истощенных людей. При этом возрастает вероятность иррациональных реакций, особенно при возможных провокациях.

Ряд характерных ошибок при организации массовых мероприятий связан также с игнорированием общепсихологического фактора паники. Так, недостаточное информирование участников о возможных опасностях (или, напротив, о безопасности того или иного события), о имеющихся способах защиты подчас приводит к серьезным неприятностям.

Предупреждению и снятию панических настроений способствует физическая близость участников (сцепка локтями), а также коллективное пение хорошо известной песни со стройным умеренным ритмом (типа гимна или марша).

Ритмичная музыка, пение или — при отсутствии технических возможностей — скандирование способствуют ликвидации уже возникшей паники.

Остановить паническое поведение помогает в определенных случаях привычное стимулирование (например, громкое звучание национального гимна, на который люди рефлексивно реагируют стойкой «смирно») или, напротив, неожиданный интенсивный стимул (например, выстрел в закрытом помещении). При этом восстанавливается ситуация, обозначенная выше как психологический момент, когда лидер может взять на себя рациональное руководство. Наконец, на начальных стадиях паники решающую роль может сыграть удачная своевременная шутка, особенно если она исходит от известного людям «юмориста», например, актера.

Само собой разумеется, что всякое противодействие массовой панике возможно только при наличии группы лиц, сохраняющих присутствие духа и готовых взять на себя руководство. Поэтому грамотная организация массового мероприятия предполагает присутствие людей, соответствующим образом подготовленных и организованных.

Слухи как психологическое явление и средство политической борьбы

Слух — передача эмоционально значимых для аудитории сведений по каналам межличностной коммуникации.

Феномен слухов известен с древних времен и издавна использовался в целях идеологической и политической борьбы (в частности — в войнах).

Систематические исследования слухов для целенаправленного употребления

полученных рекомендаций начались в Германии и в США после Первой мировой войны. Немецкие войска и их союзники активно использовали полученные знания на фронтах Второй мировой войны. И после войны рекомендации специалистов по слухам умело использовались спецслужбами в международных операциях. В ряде случаев работу и ее результаты следует признать весьма продуктивными, дезинформация в последних военных компаниях в Ираке, Югославии. Этот фактор малоэффективно реализуется в отечественной политической практике, в частности, в Чеченских военных действиях следовало бы его применять как контрмеру психологического противоборства с террористами.

Актуальность феномена слухов связана с двумя обстоятельствами. С одной стороны, это важный источник информации об общественном мнении, общественных настроениях, отношении к руководству и официальным средствам массовой коммуникации. С другой стороны, слухи могут служить эффективным рычагом влияния на общественное мнение, настроение, на массовые стереотипы и установки, а значит, на поведение людей и на ход экономических и политических событий.

Классификация слухов

Выделяют различные основания для классификации слухов. Главные из них — экспрессивный и информационный параметры. В первом случае речь идет об эмоциональном содержании сюжета; но во втором — о степени его достоверности. По экспрессивному параметру различают три типа слухов: слух-желание, слух-пугало, агрессивный слух.

По информационному параметру слухи различаются от полностью недостоверных до близких к действительности.

Считается, что в достаточно обширной, политически значимой аудитории слух никогда не бывает полностью достоверным. Это связано с тем, что в процессе циркуляции сюжет претерпевает ряд закономерных изменений, более или менее искажающих начальную версию. Изменения носят следующий характер.

Сглаживание: многие детали исходного сюжета в процессе многократной передачи исчезают; сохраняются лишь те детали, которые в глазах аудитории особенно существенны.

Заострение: сохраняющиеся детали увеличиваются количественно и качественно.

Приспособление: под стереотипы и ожидание аудитории подстраиваются лишь отдельные детали (без выраженных симптомов сглаживания или заострения), но таким образом, что это решительно изменяет социальное содержание события.

В разнородной аудитории один и тот же слух может принимать различную эмоциональную окраску. Вообще же характеризовать тот или иной слух по данному параметру следует не на основании самого сюжета (это часто дезориентирует), а по реакции людей.

Известно множество случаев, когда исходно малодостоверный слух, влияя на настроение и действия людей, вызывает экономические и политические ситуации, описываемые в сюжете. Циркулирующий слух, будучи активным фактором социальной жизни,

как бы подстраивает объективную реальность под свой сюжет.

Какие детали сглаживаются, а какие заостряются, зависит не столько от объективной значимости, сколько от стереотипов, установок, общего настроения и состояния массы. Те детали, которые в одних случаях наверняка бы отфильтровались, в других

становятся доминирующими.

Основные предпосылки возникновения слухов

На неискушенный взгляд, слухи подчас кажутся явлением беспричинным, либо обусловливаемым исключительно чьими-то провокационными намерениями. Этой иллюзией подчас определяются и приемы противодействия. Между тем многолетние исследования позволили свести причины возникновения слуха к совокупности двух фундаментальных и ряда дополнительных факторов. Основные, или фундаментальные, факторы предстают как интерес аудитории к проблеме и дефицит надежной информации.

Зависимость между возникновением слуха (а так-же его интенсивностью) и наличием обоих указанных факторов можно выразить формулой:

$$C = I \times D \quad (1),$$

где C — слух, I — интерес, D — дефицит.

Знак умножения означает, что при нулевом значении одного из сомножителей произведение равно нулю.

Следует подчеркнуть, что под дефицитом понимается отсутствие не объективно достоверной информации, а такой информации, которая данная аудитория склонна верить. Так, ложная информация из вызывающего доверие источника исключает информационный дефицит, тогда как информация достоверная, но исходящая из источника, которому аудитория не склонная доверять, дефицит сохраняет. Разумеется, информационный дефицит может быть обусловлен и более банальной причиной — отсутствием или недостаточностью официальной информации о событии.

Таким образом, дефицит субъективно надежной информации обратно пропорционален количеству официальных сообщений (на данный момент времени) — $кс$ — и доверию к источнику — $ди$:

Из формул (1) и (2) выводим:

Формула (3) используется для разработки мер по снижению «слухонасыщенности» информационной системы (см. далее). Она основана на системно-экологической модели. Суть последней в том, что информационные процес-сы в обществе представляют собой единую и относи-тельно замкнутую систему, которая подчиняется некоторым закономерностям, свойственным системам любого типа, в частности экоценозу. А именно, пустующие «экологические ниши» заполняются более или менее близ-кими неспециализированными видами (например, ме-ста истребленных волков занимают бездомные собаки, оказывающиеся гораздо опаснее, чем «законные» хозяева ниши). Если же заполнения ниши не происходит, то экосистема начинает деградировать (так произошло, например, с уничтожением воробьев в Китае).

В информационной системе образование лакун неудовлетворенного интереса влечет за собой либо спонтанное «творчество» индивидов и масс, либо намеренное заполнение пустующих ниш с определенными экономическими, политическими и идеологическими целями.

Интенсификации распространения слухов способ-ствует и ряд дополнительных факторов.

Передавая эмоционально значимые сведения, человек повышает свой личностный статус, интерес собеседников к собственной персоне, демонстрирует свою близость к

объекту общего интереса, к органам, принимающим решение и т. д.

Кроме того, циркуляция слухов способствует оптимизации эмоционального баланса аудитории в условиях как эмоциональной избыточности, так и эмоциональной недостаточности. Иначе говоря, до-полнительно благоприятствуют циркуляции слухов как чрезмерное напряжение, так и скука, недостаток ярких событий в жизни группы. Отношение к феномену слухов как таковому существенно зависит от типа политической власти. Тоталитарный режим нетерпим ко всякой неопределенности в экономической, политической или идеологической сферах. Здесь руководство ориентировано на утопический идеал предельно централизованного сквозного контроля, спонтанность воспринимает как досадную ошибку в управлении и стремится построить полностью «прозрачную» информационную (равно как экономическую и политическую) систему. Поэтому циркуляция слухов трактуется как безусловно вредный «пережиток» и прямо или косвенно ставится задача освободить общество от этого источника неопределенности.

В демократической системе информации слухи считаются нормальным явлением общественной жизни. Оптимальное соотношение определенности и неопределенности делает систему более аморфной, но вместе с тем внутренне разнообразной, а поэтому адаптивной и жизнестойкой (сравним хорошо известный в кибернетической теории систем закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби).

Поэтому в демократическом обществе не рассматривается задача ликвидации слухов вообще как социального феномена. Практические задачи ограничиваются построением слухоустойчивой системы в рамках отдельных достаточно ограниченных групп (воинское подразделение, экспедиция, политическая партия и т. д.) либо противодействием конкретному циркулирующему слуху.

В любом случае следует различать профилактические (предупреждающие) и активные (тактические) меры.

Для разработки профилактических мероприятий полезно вновь обратиться к формуле (3). Эта система мер указывает на важность соответствия их таким критериям:

- а) высокая оперативность и систематичность официальных сообщений — чтобы обеспечить высокое значение K_c ;
- б) неизменно высокая достоверность сообщений — для сохранения необходимого d_i ;
- в) систематическая и хорошо отлаженная обратная связь между источниками официальных сообщений и аудиторией — чтобы своевременно и по возможности опережающим образом реагировать на трудно предсказуемую динамику I ;
- г) поддержание оптимальной эмоциональной насыщенности в жизни (совместная деятельность, распределение ролей согласно индивидуальным интересам и наклонностям и т. д.) — дабы избежать ситуаций бес-событийности.

2. Десятилетиями предлагались и практически испытывались различные приемы противодействия циркулирующему слуху. Оказалось, что прямолинейное выделение и опровержение слуха часто производит «эффект бумеранга» — интенсивность слуха возрастает. Игнорирование также может привести к тому, что слух, распространяясь по своим психологическим законам, нанесет значительный вред. Обычно неэффективны и беспредметны опровержения типа: «Не верьте враждебным слухам!»

Выяснилось, что здесь нет простых и однозначных инструкций на все случаи жизни. Чтобы принимаемые меры были эффективны, необходимо адекватно оценить информационную обстановку, и прежде всего такой ее параметр, как доверие к

источнику.

Когда и если существует уверенность в том, что данный источник информации (политический деятель, журналист, телеканал, газета и т. д.) пользуется достаточным авторитетом в данной аудитории, то уместна «лобовая» атака на слух. При этом прямо указывается на содержание слуха, его причины и излагается альтернативная версия событий.

Однако такой ход совершенно неприемлем, если нет уверенности в том, что наш источник в данной аудитории обладает высоким авторитетом. В подобном случае рекомендуется «фланговая» атака на слух; никак не упоминая ни о слухе, ни о его сюжете, под различными предлогами интенсивно передавать информацию, по содержанию противоречащую сюжету циркулирующего слуха.

При этом, однако, необходимо повышенное внимание к каждой детали. В психологии хорошо известен феномен «психической инерции» (или апперцепции): новая информация о событии бессознательно фильтруется сквозь призму предыдущей информации. Поэтому даже мелкий просчет при организации кампании против слуха обуславливает «эффект бумеранга» — доверие к слухам усиливается...

Слухи, как и всякое, в общем-то, нормальное явление общественной жизни, могут превращаться в стихийный фактор повышенной опасности и в грозное оружие в руках сознательных провокаторов. Знание закономерностей их возникновения и распространения, владение приемами профилактики и оперативной терапии помогают обеспечить благоприятные условия экономического, политического и индивидуального бытия.

3.4. Свобода и плюрализм, насилие и диктатура как детерминанты политической активности

Активность — характерологическое свойство человека, социальной общности, делающее их способными эффективно функционировать в различных условиях. Политическая активность субъектов политики проявляется в самых различных формах. На характер этой активности и особенности ее проявления оказывают влияние различные факторы, которые могут быть представлены как внутренние (их носителем выступает субъект политики) и внешние (влияние среды на субъект политики). Они могут быть представлены через факторы свободы и насилия, которые в заданном ими континууме имеют и другие феномены. Проанализируем основные их психологические характеристики.

Психология свободы — это способность к творческому самовыражению, конструктивной дискуссии, активным действиям, которая представляет собой сердцевину демократического процесса. Психология свободы проявляется через закономерные признаки. Закономерность проявления свободы предстает как тенденция преобладания все большей свободы над уступающей ей заданностью и предопределенностью, определяющей растущую активность субъектов общества в постановке и достижении своих целей в нем.

Важнейшим признаком свободы является плюралистичность. Плюралистичность — характерологическое свойство человека, делающее его способным к конструктивной дискуссии. Речь идет не только о навыках убеждения оппонента в правильности своей точки зрения, но и о способности принять его позицию, а значит — отказаться от своей. Для этого знаменитое «подвергай все сомнению» должно быть отнесено и к себе. Всепоглощающая уверенность в том, что именно ты владеешь истиной во всем ее

объеме, де-факто делает дискуссию невозможной. Любой несогласный тут же обвиняется либо в некомпетентности, либо в зло-намеренности.

Конечно, не все убеждения должны становиться объектом неуверенности. Но ведь предметом споров являются обычно не сами факты, а гипотезы и оценки, стоящие за ними. И здесь для участия в демократическом обсуждении, т. е. для жизни в условиях свободы, человеку необходима известная плюралистичность, понимание того, что истина часто не одна, а уж моно-полией на нее не обладает никто.

Вполне очевидно, что очень многим представителям общества, находящегося в фазе интенсивных социальных изменений, не хватает ни активности, ни, особенно, плюралистичности. Рассмотрим, с чем связано формирование двух этих характеристик. При этом оставим за рамками анализа их детерминацию темпераментом или другими индивидуальными свойствами. Такого рода детерминация, безусловно, важна для понимания отдельных случаев, но обращение к ней не будет плодотворным для выяснения закономерностей формирования интересующих нас характеристик у больших групп людей. С этой точки зрения целесообразно обращение к определенным социаль-но-культурным моментам, которые могут определять степень выраженности активности и плюралистичности.

Можно выделить целый ряд характерологических свойств человека, делающих его способным эффективно функционировать в условиях свободы. Важнейшими из них являются два. Во-первых, активность: чем больше свободы и, соответственно, меньше заданности и предопределенности, тем активнее должен быть субъект в постановке и достижении своих целей. Во-вторых, это способность к конструктивной дискуссии, которая и представляет собой сердцевину демократического процесса.

Факторы, которые определяют активность или пассивность субъекта политики, могут быть представлены в следующем составе:

- фрустрационная реакция;
- особенности самосознания;
- регламентация желаний и своих потребностей;
- жесткость этической системы.

Один из них характеризует фрустрационную реакцию, которая выражается как человеческая сла-бость, ощущение бессилия, невозможность изменить ход событий в своей собственной жизни, повлиять на положение дел в организации, к которой они принадлежат, и в стране в целом. Это ощущение бессилия не может считаться объективным выражением жизнен-ных реалий. Большинство людей недооценивает те, пусть и небольшие, возможности для изменения собственной жизни или воздействия на ситуацию вокруг них, которые у них имеются.

Объективный анализ фрустрационной ситуации показывает, что, хотя положение чаще всего действительно достаточно серьезное, есть определенные степени свободы, которые субъект политики просто не использует. Аналогичный вывод может быть сделан и относительно позиции людей по отношению к политическим организациям — возможности воздействия на них явно преуменьшаются. Следовательно, ощущение фрустрации характеризует не столько личную и со-циальную ситуацию человека, сколько его восприятие этой ситуации.

Для преодоления фрустрационной реакции недостаточно объективных изменений в социуме. Даже если социальные изменения прямо стимулируют рост ак-тивности каждого человека, реализация этих возможностей зависит от того, в какой степени

люди поверят в то, что они действительно существуют в жизни, а не только на бумаге или в декларациях лидеров. Изменение сознания не следует автоматически за изменениями в законодательстве и социальной политике. Например, граждане, на этапе адаптации большинство депутатов и другого рода политики, получившие возможности для более свободного участия в политической жизни, могут предпочитать выжидательную позицию или продолжать следовать прежним стереотипам. Здесь проявляется не только несовершенство политической системы, но и неверие в свою причастность к проведению реальной политики. Психологические структуры достаточно инертны, и в период бурных социально-политических изменений они могут отставать от динамики общественной жизни.

Таким образом, для того чтобы субъект политики относился к себе, к окружающим и к обществу конструктивно, чтобы в его поведении доминировали моменты кооперативности и взаимопомощи, ощущение фрустрации или бессилия должно смениться верой в собственные возможности и способность быть реальным субъектом политики. Демократия, способствующая формированию именно такого мироощущения и политической роли, является в этом смысле императивной, она не может быть отложена на потом, до лучших времен. Без развития определенных демократических институтов и процедур невозможно решение острых социально-политических и экономических проблем, политик, не ощущающий возможности реально влиять на политическую жизнь, будет пассивно являться объектом политической ситуации. Второй фактор характеризует особенности самосознания. Рассмотрим те из них, которые «блокируют» проявление активности субъектом политики. Можно выделить такие основные признаки самосознания, как деиндивидуализация, размытость групповой принадлежности, своеобразие деперсонализации, индивидуальная особенность самосознания. Проанализируем каждый из этих признаков особенностей самосознания политика.

Деиндивидуализация проявляется в том, что для многих представителей реформирующихся обществ характерно недостаточное ощущение своей индивидуальности, отличительности себя от других. Это определено особенностями принятой системы воспитания и социализации, своеобразным стилем образ мышления, деятельности, жизни. Как показывают исследования, ощущение деиндивидуализации, т.е. похоти и даже неотличимости себя от других людей, приводит к росту жестокости и снижению тенденций к взаимопомощи.

Размытость групповой принадлежности. Хотя объективно каждый человек включен в большое число групп, эта включенность далеко не всегда представлена на психологическом уровне. Люди не чувствуют себя гражданами, жителями своего города, не ощущают своей принадлежности к классу или к нации. Конечно, эти чувства принадлежности обостряются в экстремальных ситуациях, но нельзя же жить в условиях перманентного кризиса. Люди редко идентифицируются с предприятием, на котором работают, номинальным бывает даже членство в собственной семье. Такому положению способствует ряд причин. Прежде всего, это несовершенство политических структур, препятствующих реальной включенности в жизнь организаций, к которым человек формально принадлежит.

Например, выборы и вообще система власти в данном сообществе могут быть организованы таким образом, что подлинная реализация закрепленных за человеком прав избирать и быть избранным превращается в фикцию.

В некоторых случаях членство в организации, формально постоянное, является детерминирующим фактором поведения и внутренней жизни человека лишь в какие-то периоды. Кроме того, фактором размытости групповой принадлежности являются организации, членство в которых изначально фиктивно — вспомним хотя бы существовавшие у нас еще несколько лет назад общества трезвости. Реальные же объединения, которые действительно могут стать базой для формирования чувства идентичности, такие, как землячества или объединения выпускников, в нашей стране не только не поддерживались, но и были объектом как минимум настороженного отношения со стороны властей.

В целом, можно сказать, что если групповая принадлежность на уровне малых групп — семьи или первичного коллектива — развивается достаточно легко и не требует специальных условий, то идентичность на уровне больших групп формируется лишь в определенной социальной среде, причем процесс этот нуждается в поддержке со стороны общества. Без соблюдения этих условий человеку бывает крайне трудно ощущать себя членом тех или иных больших социальных групп.

Деперсонализация у значительного числа людей формируется и проявляется в виде действий, совершаемых в определенных ситуациях, когда они свои особенности приписывают не себе, а как бы кому-то другому или некоей автономной части себя, за которую субъект не несет моральной ответственности. Такими ситуациями могут быть не только ситуации экстремальные, но и вполне обыденные, связанные с выполнением своих функциональных или общественных обязанностей. Эта способность позволяет человеку, пошедшему на обман, считать себя человеком честным, струсившему — смелым и т. д.

Обращает на себя внимание и такая особенность самосознания, важная с точки зрения детерминации активности, которая проявляется как ощущение зависимости. Человеку кажется, что он не может изменить важнейшие обстоятельства своей жизни — поменять работу, создать новую семью, изменить место жительства. Трудности этих изменений — безусловно, реальные и серьезные — всячески преувеличиваются.

Перечисленные особенности самосознания приводят к пассивности потому, что снижают у человека ощущение субъектности и негативно влияют на свободу его действий, связей и отношений. Активен может быть только субъект политики: человек, ощущающий свое отличие от других людей, свою самобытность и неповторимость, идентифицирующий с какой-то группой, принадлежность к которой для него важна, которой он гордится, честь и интересы которой он готов защищать; человек, всегда сохраняющий чувство ответственности за свои поступки и ощущающий себя свободным делать то, что он считает нужным. Если всех этих особенностей самосознания нет — неизбежна пассивность.

Указанные особенности самосознания ответственны и за уровень нравственности в обществе. Нравственный поступок — это всегда выбор, причем выбор осознанный. Третьим фактором, определяющим уровень свободы, а значит, и активности, является регламентация желаний и своих потребностей. Значительное число людей не только не предпринимают почти ничего для достижения своих целей, но и отказываются от самих этих целей — ничего не хотят. Ценности покоя, стабильности перевешивают все остальные возможные награды, в результате человек заранее отказывается от всех превышающих элементарный минимум материальных и духовных благ, гарантируя себе взамен спокойствие и стабильность. Таким образом, те блага, стремление к которым и

является, в значительной степени, внешним стимулом к активности, обесцениваются в сознании субъекта и не могут выступать в качестве подкрепления. В облегченном варианте отказ от желаний принимает форму ориентации лишь на сугубо личные или семейные блага — все остальное обесценивается.

Четвертый фактор характеризует жесткость этической системы. Максималистская идеология, функционирующая по принципу «все или ничего», приводит не к высокому уровню нравственности, а к пассивности. Любая активность — это компромисс, соглашение; человек, не умеющий идти на компромиссы, неизбежно будет пассивен. Таким образом, выделение факторов, определяющих уровень активности субъекта политики, характеризует его свободу в осознании, выборе, поведении и действиях. Преодоление негативного или блокирующего их действия существенно расширяет свободу политической самореализации и обеспечивает творческий подход в политической деятельности и общении, отношениях и взаимосвязях.

Важно также определить влияние плюрализма на политическую активность. Его характер также определяют психологические факторы. Рассмотрим, какие факторы наиболее сильно влияют на степень выраженности плюралистичности.

1. Первым таким фактором является слабое знакомство с отличными от своих собственных условиями и стилем жизни. Хотя окружающая жизнь достаточно разнообразна и дает примеры самых неожиданных способов организации семьи, обеспечения профессионального роста и решения других сложных проблем, это разнообразие может и не присутствовать в той картине социума, которая дается искусством и средствами массовой информации. Как правило, всегда проявляется тенденция к нивелировке различий. Восприятие действительности как однородной, повсюду одинаковой, не дает основания сомневаться в правильности собственного стиля жизни или хотя бы поставить под сомнение положение о том, что именно этот стиль является единственно правильным.

Деструктивные последствия такой искусственной унификации особенно хорошо видны на примере проблемы межнациональных отношений. Например, сведения, имевшиеся в распоряжении представителя какого-либо народа нашей страны об образе жизни, характере и культуре другого народа, могут быть подразделены на два класса. Первый класс сведений говорил об отсутствии сколько-нибудь заметных отличий между народами СССР. Одинаковый характер производства, общие проблемы и общие достижения, практически одинаковое или очень близкое законодательство.

2. Второй класс сведений прямо противоположен первому — подчеркивались четкие различия между народами, их специфика по сравнению с любым другим народом. К сожалению, идея отличий чаще всего подкреплялась примерами архаических проявлений национальной культуры, не связанных с повседневной жизнью народа, а специально сохраняемых, имеющих лишь исторический интерес. С серьезными трудностями сталкиваются представители сравнительно небольших национальных групп. Корни современных национальных конфликтов — не только в реальных противоречиях и несправедливостях, но и в особенностях восприятия друг друга.

Препятствием для формирования плюралистичности является и то, что в обществе, как правило, подавляются не только антисоциальные, но и асоциальные, или статистически аномальные формы поведения. Не всегда еще одобряются какие-либо отличия друг от друга в одежде, вкусах, манерах поведения и т. д. Следовательно, большинство людей в ходе онтогенеза не сталкивались или редко сталкивались с ситуацией, когда

нестандартное поведение и взгляды принимаются в обществе благожелательно или хотя бы не влекут за собой тех или иных санкций. Естественно, это способствует тому, что именно стандартное поведение воспринимается как единственно правильное, сомнений в его адекватности или интереса к поиску иного пути не возникает.

3. Фактором снижения плюралистичности выступает также недостаточный опыт принятия другого человека и принятия себя этим человеком, несмотря на существенные разногласия, — длительные отношения невозможны без периодических конфликтов. Этот опыт может быть генерализован на широкий класс ситуаций, что будет способствовать терпимости, готовности принять мнение другого или, по крайней мере, отнестись к его позиции с уважением. Таким образом, длительные близкие отношения, способствуя формированию плюралистичности, становятся одним из факторов, облегчающих жизнь в условиях свободы.

4. Фактор, снижающий уровень плюралистичности, состоит в отсутствии или недостаточности опыта принятия самостоятельных решений, последствия которых значимы для индивида. Однако, если у человека нет опыта принятия самостоятельных решений, значит у него нет и опыта их реализации. Отсутствие этого опыта может послужить определенным барьером на пути отвержения позиции различных субъектов политики только из-за того, что не выработана уверенность в правильности собственной точки зрения.

5. Последним из выделенных факторов, снижающих уровень плюралистичности, следует назвать отсутствие или недостаточность опыта выбора между двумя правильными суждениями, позициями и т. д. Большая часть проблем и задач, с которыми сталкиваются политики, моделируются так, что вырабатывается одно правильное решение, а все остальные признаются как неправильные. В результате этого формируется представление о том, что истина может быть только одна и, если человек придерживается иной, по сравнению с твоей собственной позицией, это означает, что он ошибается.

Таким образом, выделенные пять факторов, определяющих уровень плюралистичности, — незнакомство с отличными от собственных стилем и условиями жизни, отсутствие опыта аномального поведения, не повлекшего за собой санкций окружающих, недостаточный опыт длительных близких отношений, недостаточный опыт принятия самостоятельных решений и несформированность навыка выбора альтернативных решений существенно влияют на ее характер. Отметим, что эти факторы проявляются во взаимосвязи и детерминируют плюралистичность на социальном и личностном уровнях.